

Наше «расчудесное» рассудочно-меркантильное время «расчудесно» ещё и тем, что оно плодит великое множество лжеписателей и лжепоэтов. Несомненно, этому способствуют электронные дивайсы, носители, гаджеты, «софты» и соцсети. То есть, по сути, скучная «цифра» противостоит и сопротивляется живому слову. При поездке, скажем, на работу любой графоман может от скуки набрать на андроиде или айфоне вирши свои и тут же вбросить их во все соцсети. Это не достижение, это беда наша общая: пропала промежуточная и самая важная ступень от писателя к читателю. Исключён из цепи от писателя к читателю рецензент, оценщик. Плохой или хороший, но напрямую не заинтересованный, никем и никак не ангажированный. А таковой был в любом издательстве и любом журнале при СССР.

Сколько нужно было пройти этих ступеней в стране СССР, чтобы напечатать книгу, особенно – первую, заявить о себе, об этом говорить не станем. Зато и издавалась свежая книга тиражом от 50 000 до 75 000 экземпляров. Сегодня тираж 500 экземпляров – уже достижение, уже хорошо. Как следствие – падение не только уровня мастерства, а и просто грамотности – невероятное. Кто сохраняет верность слову, чутьё, вкус? Конечно, писатели от 40 лет и старше. Ещё чаще – более старшее поколение. Они воспитаны на отборной, а не просто хорошей литературе, поэзии. Они выросли без компьютерных призраков «Стихи.ру», «Проза.ру» и прочих мусорных сайтов.

Марина Саввиных принадлежит именно этому поколению. Уже по этому одному признаку она заслуживает внимания, и даже если бы я не был ранее знаком с её поэзией, с её книгами, я, конечно же, не отказал бы ей в прочтении. И вот передо мной её новый сборник избранного «Небо полуночи». Избранного никогда не бывает много. Он невелик. Прежние, – а это более десяти поэтических книг, книг прозы, художественной публицистики, книг, которые передавали мне для прочтения, – убедили меня сразу, что передо мной сильный и глубокий автор – чего стоит одно только интервью с П. Н. Красновым, чего стоят стихотворения, которые публиковались в журналах «День и ночь», «Зензивер», «Крещатик» и др. И вот новое событие в нашей литературе: выход в свет книги «Небо полуночи». Среди литературщины, столпотворения поистине Вавилонского, когда в прихожей сегодняшней литературы – несмолкающий «гвалт» и «хай» невероятные, как на порушенном войной вокзале при отступлении армии, – нам ещё радостней, что есть спокойное, стройное и правдивое слово. Есть кого послушать. Не дезертиров, «липу» купивших, не паникёров и пацифистов, когда необходимо сопротивление, а спокойный голос достоинство своё человеческое сохранившего человека.

В наше время – особенное – всё острее, пронзительней и даже необходима встреча с настоящим поэтом. И оттого, что это всё реже, – она неожиданна. И хоть сохраняется опасность, что, привыкнув к методично-убаюкивающему рифмоплётству посредственностей, мы и сами скоро начнём с трудом отличать настоящий талант от серости и элементарных выучеников. Дар – от бормотания потребителя-«образованца». В самом деле, ведь музыкальный инструмент и тот расстраивается без должного ежедневного применения, что уж говорить о человеке. Слава богу, этого пока ещё не произошло. И дороги слова, обращённые непосредственно ко мне как к сотрапезнику сократовского толка, слушаем Марину, её спокойный рассудительный голос:

Становится безжалостно строга
Правдивая основа целой жизни –
И вот у человека нет врага,
А есть седой сотрапезник на тризне.

«На тризне». Именно. Все мы живём как на вулкане. Кто первый, кто последний в ряду – никто не знает. Жизнь коротка.

Настоящий талант отличает скромность. Если всего лишь и в полталанта Господь наградил, то и тут уже прибавается и зависть окружающих «талантливому» людей, и мстительность, и нетерпение их. А если таланта нет, то громкие заявления, требования: скорее признайте меня, оцените и поклонитесь. Сколько примеров: чем меньше дар, тем больше амбиций. И психозы, и даже суицид – вовсе не редок. Добрая улыбка над собой, даже юмор Марины импонирует. Это свидетельство качества души. Это тоже крайне редко сегодня, как и главное: Дар. В продолжение начатого разговора о нынешнем положении в литературе посмотрим, как талант (настоящий талант!) относится к своему творчеству:

Невольно поддаваясь на обман,
Который повсеместно одинаков,
Сливает гениальный графоман
Поток души с потоком вод и злаков;
Он входит в одиночество, как в храм,
Где трепет свеч и ангельское пенье,
И приобщает Бог к своим дарам?
Его золотиносное терпенье...

Ах, вот как... Даже так: «графоман... Нет, пожалуй, графоман так не напишет! Ничего подобного. ...Уже и в названии книги слышится Лермонтовское «Небо полуночи» в контексте «ангел», «заявка» на незаурядное, на высокое искусство:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Внемлем и мы катренам Марины Саввиных. О чём просит поэт, награждённый даром слова: говорить, рифмовать? Строчить вирши? Вовсе нет:

Научи меня, Дева, терпеть и молчать,
Не искать за собою вины:
Наложи на уста золотую печать
Первозданной Твоей глубины.

Только в тиши, в раздумьях, в рефлексии, в роскошном одиночестве «доспевает» до великих строф поэт. И разве не находишь тут созвучия той глубине, той высоте великим поэтам Золотого и Серебряного веков. Нет в них только «каменного» и «железного» нынешнего безразличия и холодного нечувствия, свойственного, многим. Нет и пластмассовой излишней гибкости, ломкости. Есть живая пульсация чувства и мысли, есть пластика, есть пластичность.

По нити дождевой осколок световой,
Пульсируя, снуёт – назло крыльцу и тучам...
Давай же – соскользни (по нити дождевой!),
Как семечко в гряде, в круговорот живой,
Сомкнись с самим собой в его котле кипучем!

«Круговорот живой» для «семечка». А «семечко», и это, конечно, понятно, – росток жизни. Любуй. И в первую очередь – человеческой. Ведь именно человек – творение Божье. Какая замечательная находка. Мне она представляется даже ярче, чем прославленное у Ходасевича «Путём зерна», и далее, как развитие и обобщение, слышим:

Храни меня, простор моей свободы,
Живого мира слаженность и сложность,
Нерасторжимость мысли и природы
И радости счастливая возможность!
Соединенье счастья и печали!..
Мой лоб – горяч, и в этом непреложность
Того, что мне не отзвучали
Колокола рассвета и заката,
Колокола полуденного зноя,
Свирель сестры и звонкий бубен брата
И пращуров молчанье земляное...

...И тотчас угадывается, сколько стоит за этими четверостишьями. Много стоит. И Данте в первую голову, и изученное Средневековье. И филология, и философия в их сокровенном, скрытом за семью замками для нынешнего молодого поколения потаённом смысле.

Мастерство и дар необходимо заслужить. Это – как некая дорога, каждый поворот которой стережёт дракон о семи головах. Каждая новая мысль – тайна, каждая – находка. А сколько уже написано и найдено до нас! Отыщи сам, «откопай» свой оригинальный взгляд, попробуй. Это – редкая удача. Всё было, а разве нет? И «яблони в цвету», «журавли», «соловьи», восходы и закаты... Эти – буквально и метафорически написанные – картины столько уже раз написаны, что найти иной взгляд на событие, новую мысль всё равно, что построить корабль новый, очистить бухту для открытого плаванья – для выхода в бушующем море. Ни больше ни меньше. Но каково созвучие, читаешь и слышишь звон колокола к заутрене. Не намёком или тенью – живое присутствие жизни и судьбы. И земной и загробной. «И пращуров молчанье земляное». А над погостом храм. И призывает живых: «Придите ко мне все страждующие и обременённые, и Аз упокою Вы...» Так прорастает ввысь и вглубь голубого неба зародыш, «семя» поэзии Марины Саввиных.

Что ж! нет взаимопонимания,
Единое недостижимо!
Но разве легче сочетание
Живого пламени и дыма?
Мой ангел! посвяти парение
Глухому обмороку тела –
Не вознесенья, а смирения
Я так хотела... так хотела...

«Смирененья, а не вознесенья». А ведь только через смиренье и возможно спасение. Спасение и есть вознесение, воскресение. Так зашифрован, зашит смысл в восьми коротких строках. Что это, если не мастерство? Интуиция? Но подлинное мастерство – это совмещение всех способностей и умений. «Включение» всех чувств. Там, где холодная мастеровитость, – там пустыня для творчества.

Сразу вспоминается игумен Никон Воробьёв – с его тюрьмой и благодарением Бога за муки заключения: «Я никогда не был так счастлив и близок к Богу, как здесь, в тюрьме...» А смирение великого страдальца и гениального хирурга Луки Войно-Ясенецкого?! Да разве только их...

Я – послушница в Доме Ответа.
У меня ещё не было слов.
Что промолвлено мною и спето –
Только чей-то случайный улов,
Только горла глухое шуршанье,
Только формы холодная жесть...
Где предел моего послушанья,
Что за этим пределом – Бог весть...

И тотчас – по тону и тембру, веянием-найтием воздуха горного – из настоящей поэзии приходит на память нечто из позднего: Анна Андреевна Ахматова. Ну что, быть может, сравним с мусорником «Стихи.ру»? Или всё же не станем этого делать, себе дорожке выйдем? Не правда ли?.. А если сравним, то, конечно, не в пользу мусорного контейнера. Как хорошо сказал Виктор Гюго, мастер на афоризмы: «Алмазы в грязи не тают». Истинно так. Нарботанные слух и вкус – всё приходит только с годами, с опытом. Но разве не годами рождается жемчужина в моллюске, разве не тысячелетия нужны для появления алмаза? А сколько должно сойтись случайностей, чтобы родился жемчуг, или алмаз, или талант...

Не в том грешна, что с кем-то мёд пила,
А голова, хмелея, не пылала –
А в том, что в зряшных поисках тепла
Чужой души отведавать возжелала...

и далее:

Кто ощутил восторг именованья –
Испелясь в пылу соревнованья,
Но всё-таки восстав среди руин, –
Тот Богу уподобился один!
Ни возгласа, ни шороха – ни звука...
Лишь ты да тьма... да вещей крови звон:
Себя перемогающая мука
Из ничего явившихся имён...

«Вещей крови звон»... «из ничего явившихся имён». Как схвачено, как сказано! Даю вместе эти строки разных строф, потому что одно дополняет другое. И это через три стихотворения, повторение и продолжение темы. Это дорого. Это говорит об искренности стихотворений Саввиных, в её одномудье – по внутреннему напряжению сродни «я трепещу и проклиною...». По «выноршенности» мысли. По вынашиванию стиха. Она нигде не бросает на бумагу первое попавшееся. Она возвращается к мысли и тревоге своей, памятью живой. А это – покаяние, и ничто иное. Это то, что называется нравственно и душевно – иной жизнью. «Никто не вливает молодое вино в старые мехи»... И это дорого. Потому что мы знаем, что даже исповедь перед причастием мирян, к сожалению, зачастую формальна. Покаяния нет. Исповедь «в миру», в стихотворении «лирического героя» Марины Саввиных и будоражит, и тревожит душу.

Да – всё отвергнуть или всё принять,
Неся свой крест среди сестёр и братьев...
Так есть и будет: время обнимать,
И время – уклоняться от объятий!
Когда весь мир – театр и Колизей,
Финал – открыт, но финиш – предсказуем,
Бегу подобострастия друзей...
Но ведь Распятый – в кротости своей –
Ничьим не погнушался поцелуем?!

Напряжение, натянутая поющая струна. И предлагается нам, читателям, поддержать это напряжение. Но ведь и мы ещё не опоздали в покаянии, верно? Пока человек жив – ему открыт путь спасенья. «Я есмь и Путь и Истина и Жизнь. Никто не спасётся, кроме как через Меня». И поцелуем Иуды –

не погнушался. Хоть всё знал наперёд. Финал и финиш предсказуемы. Но так ли уж предсказуемо главное: спасение души?..

Помнится из истории жизни святых отцов православной церкви: пришёл к старцу безутешный отец, потерявший сына, – сын сбросился с высокой башни и погиб. Отец терзался мыслью, что спасение для сына теперь невозможно. Сын – самоубийца, страшный грех – к смерти души. Старец неожиданно утешил и ободрил его очень, глубокими словами, но при этом лежащими как бы на поверхности (так кажется, но кажется ли, или такова действительность?). Он молвил безутешному родителю: «А почём знаешь, не пожалел ли твой сын о своём поступке, не покаялся ли в последний миг? Не обратился ли мыслью ко Христу?» Мы и знаем и не знаем финал. Всё в деснице Божией. И впрямь – секунды отделяют нас от спасения, порой.

Какою тонкою печалью
Пронизан воздух бытия,
Его свеченье и молчанье,
Минута каждая твоя!
Должно быть, грусть неотвратима,
Как возраст... но в её поре
Даль очищается от дыма,
Клубившегося на заре,
Свет очищается от тени,
А тень от света – и видна
Под плёнкой сумерек смятенье
Внушающая глубина... (с. 34)

«Послушайте, ещё меня любите, за то, что я умру...» – сказала Марина Цветаева. Но и «Смятенье внушающая глубина», – сказано искренне и искромётно, точно. Именно тяжесть и в то же время благодатную ношу бытия отмечают старцы, достигшие высоты. Любовь ко всему живому. И тварному, и бесплотному, и страх обидеть Отца, согрешить. Высокое напряжение, которое предлагается книгой «Небо полуночи», поистине редко. От «сотрапезника» требует книга внимания, требует, чтобы он, читатель, следил и за ходом мысли, и за извилами и всеми излучинами душевного движения автора. Это требование, без которого не построить взаимоуважения, – самого дорогого стоит. И тут уж не отделеешься ни софизмами, ни притворным сочувствием, ни игрой смыслов. Водопад мыслей и чувств туго бьёт всем весом своим и играет на солнце, искрясь радугой.

Яшмовые ветки Палестины...
Где в хлеву – случайный кров ночлега...
Где младенца нюхает овечка...
В вышине, не ведающей снега,
Белая звезда дрожит, как свечка...
Я к воротам шла приотворенным:
Ко Христу – от пагубы и срама.
Пёс лохматый иноком смиренным
Молча проводил меня до храма.
И легли мне под ноги ступени,
Высоки, торжественны и твёрды,
И глядели вслед из снежной пены
Чудные светящиеся морды,
Словно мне отныне предстояло
И за них нести труды обета,
Ежели всем тварям воссияла
Вифлеемская планета... (с. 40)

Искрящийся водопад это... радуйся, читатель: и здесь – точно в цель. Ведь и скоты мучаются от первородного греха человека. И они ждут помилования. От кого? Прежде всего от нас, от «человецы суть». Сказано у апостолов: «Блажен, кто и скоты милует».

Когда сладкоречивый Искуситель
Использует, как сети, наши души?!
Не в нём – так искушаемся друг в друге,
Не зная, как любить, кому молиться:
Младенцам, подрастающим в округе
Уже смешно глядеть на наши лица...

Да и Бог ждёт, когда человек (каждый) дозреет, и даже дети, пришедшие свежими от Бога к нам, и они ждут нашего созревания. Они и проще, и мудрее. Они не забыли ещё, «не очнулись» от того Света, который сиял им до рождения и который, по Евангелию, просвещает каждого грядущего в мир, – из тех, «кто от Бога». Им смешно смотреть на нашу растерянность, многократную нерешительность, малодушие. Как метко сказано, как здорово увидено. Радуетесь невольно, читая такие строки.

Бог – гончар, созидатель, Демиург – незримо и неотвратно присутствует в катренах Саввиных. Он не называем, но Он тенью своей всегда с читателем. В прозе же – описание того, как и что думает герой. Как именно он думает. Но это, в сущности, не важно. Необходимо дать характер и тайну характера – через приметку, через «характерное», через поступок. Так и здесь. И именно это отличает качественную литературу от подделки. От притворства, лжи, от «лже»-кубизма, «лже»-футуризма, «поток сознания», и проч., и проч...

Он движется... подобное в подобном...
Себя мы вспоминаем лишь в аду,
В неугасимом пламени, способном
К великому гончарному труду!

Или:

...Поэзия – искусство умирания.
А как меня томило сердце раннее,
Голодное до смысла и утех,
Уверенное в истине для всех,
Согласное, что все мы в чём-то лошади,
Что надо бы с толпой гудеть на площади,
В трубу трубить и, если суждено,
С победным криком вылететь в окно
И – вдребезги под праведными звёздами!..
Но как во мне томится сердце позднее –
Бесплодной изнуряющей тоской,
Как известковый камень под рекой...
Река течёт, толкает и стучится,
Частицу изымая за частицей
Из маленького тела моего,
Взамен не оставляя ничего...

Человек тает, суживается, умалется с большими годами. Время жизни его истаивает, «как известковый камень над рекой»... И как здесь не пожалеть, не воскликнуть с Маяковским: «Все мы немного лошади». Тема открытого сердца – муки живого на этой земле – и лошади, как безответного существа, запряжённого в повозку, битой хлыстом, – мучала Ф. М. Достоевского, свела с ума Ф. Ницше, перемётом схвачена была Маяковским, и не им одним. «Все мы немножко лошади». Мы биты хлыстами судеб. Мы «истаиваем». И кто принуждён, и мало кто вольно везём свои повозки. Несём своё крест, как сказано в Книге Книг. Каждый из нас.

...Всё величаво, истинно и цельно,
Во всём со всем живая связь сквозит,
И только ты – бессвязно и отдельно...
Свобода – распахнувшаяся даль,
И вся её наука – отрицанье.
Я научусь! Но, Господи, как жаль
Оставить мир в пределах созерцанья!

Жаль и нас самих, жаль себя, и этот мир, и друг друга...

Да, с возрастом мы приходим к созерцанию. Конечно, не все, «но кому дано»... И тогда мир этот видишь по-иному, бесстрастно, с жалостью, как бы и не в миру, – видишь его с небес. И это самое ценное, самое важное и в жизни, и в поэзии – вообще в искусстве. И это так же редко, как ценно. Дар – избранным. Это то, о чём говорил прозорливый Есенин: «Видно, так заведено навеки: / К тридцати годам, перебесясь, / Всё сильней, прожжённые калеки, / С жизнью мы удерживаем связь». Или Лев Толстой, матёрый, изрекает вдруг удивительное: «Я никогда не думал, что старость может быть так привлекательна»... А чем привлекательна? Не ветхостью же своей и не болезнями. Приближением к созерцанию, бесстрастию – единственно. Вот чем. И как в противовес, который ещё усиливает впечатление, – взгляд со всех возможных сторон, попытка понять и Иуду.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СВИДРИГАЙЛОВА

Вот небеса, которых не видать
Ни ангелам из похоронной жести,
Ни птицам, разучившимся летать,
А мы с тобою в них летали вместе.
Кому теперь все слёзы отольются,
Раз грозным судиею ты стоишь?
Так смотрит перевернутое блюдо.
Так по спине в постель стекает мышь.
Так в сердце пробирается паук,
Овладевая бесполезным телом...

Так слышатся шаги. Чугунный стук.
Так кто-то по брусчатке чертит мелом.
Легко – претерпевать и отвергать,
Но истину принять – невыносимо,
А значит, могут только обжигать
Живую кожу ласки серафима.
И в ком тогда все слёзы отзовутся,
Когда и кровь – не кровь... и хлеб – не хлеб.
Ты слышишь? Небеса хрустят и рвутся.
Как чёрный креп.

«Бог умер», – провозглашает нищезанятие. «Бог сотворил мир и почил он трудов», – говорит нам протестантизм. Не свидригайловщина ли всё это, не попытка ли подмены? Когда «...могут только обжигать живую кожу ласки серафима». А ведь он слышит, что ждёт его, слышит приближающуюся месть Командора: «Так слышатся шаги. Чугунный стук...»

В. В. Розанов тоже пробовал постичь этот мир со всех точек зрения. И получилось. Быть может, автор этой публикации не рискнул бы на такой «литературный приём», но ведь и здесь получилось... Это архисложно. И здесь стихотворение – удача!

Мир ловил меня, но не поймал.

Григорий Сковорода

Он расставил на скудной тропе моей
И капканы скрытные, и силки.
Но такой ли достигнет заветных троп?
Не дано бедняге меня поймать,
Остаётся ему среди праздных проб
Загребущие пальцы свои кусать.
А меня – молоком небесных коров
Окормляет Господь;
Свой летящий флаг
Надо мной простирает, бескрайний кров,
И ведёт по дороге бессчётных благ...

Да простит меня Марина Саввиных... Переиначив прошлый абзац, скажу «дерзость»: «...все мы немного» Григорий Сковорода. Или, по крайней мере, стремимся быть похожими. Некоторые из нас. И едва ли не все – пишушие давно и серьёзно. Мы ловим минуту досуга, чтобы создать стихотворение, дописать рассказ или роман. Мы одержимы? Просто человеку, который умеет найти собеседника в себе и в Боге, – не нужны собеседники в миру. Мы, пишушие – те, о которых так метко сказано в сборнике «Небо полуночи», – мы видим, – и хоть и не ищем друг друга, но обретая друзей из когорты себе подобных, – радуемся. Потому что умеем разглядеть «собеседника» на общей тризне этого мира:

Блаженны кроткие: из взор не замутнен...

.....
Нет им преград, и нет у них врагов.

Не знают ни воров, ни дураков

Блаженные – ударь: подставят щёку...

А ты живёшь – мякинный хлеб жуёшь,

Клянёшь, рыдаешь, мучаешься, ждёшь –

И веришь проходимцу, как пророку (с. 64)

А куда все идём? Все в одну сторону – и добрые, и злые. И даровитые, и бездарные. Идём ко Христу, к кресту:

Крещенская стынь...

.....
Давай же, Фонарщик, свети человеку!

Возьми моё топливо – ради Христа!

...иду босиком по крещенскому снегу...

...схожу в обжигающий контур креста...

Но бытие наше, бытие одиночек – иное, не мирское, точнее – не мещанское, не обывательское. Так почему же мы бежим от мира? Или знаем наверняка, что мир этот «в детской дерзости своей» непременно будет «колебать наш треножник», «бранить». Отчего такая разница, такое отличие поэта от простого смертного? Это и мука, и радость. Мука творчества, радость от хорошо сделанной работы. Как в рассказе «Бернар», где Иван Алексеевич Бунин замечательно сказал: «Думаю, что в конце жизни, я смогу сказать нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар...» – «Думаю, я был хороший моряк» (матрос шхуны «Милый друг» и Ги де Мопассана). Бунин переводит на свою жизнь, на себя: «Думаю, что я был хороший писатель».

На созвучьях и аллитерациях:

Река и речь – от корня одного.

В мерцании значения былого

Присутствует их древнее родство...

Так в громком «слава» проступает «слово»,

Так «слово» расцветает в «соловье»

И в «солнце» – благодатно и сурово.

А «речь» живёт и в ласковом ручье,

И в отреченье схимника святого.

Отражены «начало» и «конец»

Друг в друге прорастаньем вечных зёрен.

«Кров» – «крови» прирастающей венец,

И «чёрт» не зря червоточив и чёрен.

«Род» в «радости» и в «гордости» гудит,

И в «раде», вести вольного совета...

А в «стаде» спрятан «стан», и слышен «стыд»,

Как в песне – птица, а в полёте – лето...

И едва ли не каждая строка – находка.

Так зашифрованы в звуке едва ли не все стихотворения Марины Саввиных, и оттого читаются и вычитываются глубоко, символически, даже мистически её строки. Против тёплого и гладенького, подобного мышинной норке мирка. Норке, усталой пухом, – против мелкого бранчливого быта, против конформизма и соглашательства святош, «духа» садукеев. Мироззрение творческое, напряжённое – вот что на самом деле свято для поэта. Само по себе – да, оно божественно. Это творческое напряжение – «в первоисточнике»:

И грациозно гибнет Себастьян,

Ничем не оскорбляя наше зренье.

...А окончу тем, с чего начинал. В Вавилонском смешении, в нашей сегодняшней литературной суете (не могу назвать «литературная жизнь» всё то, что сегодня происходит в нашей литературе) произошло слияние, «синтез» (любимое слово литературного критика, бывшего ректора Литинститута Е. Ю. Сидорова), – произошло то, чего он и желал, и предсказывал, даже восторженно: плавильный котёл страстей и пристрастий. При ничтожном мастерстве – требование внимания к своей персоне. И это – при невероятно низком уровне «письма», с обилием причуд, сомнений, мало чем подкреплённых, – в этом бульонном котле, где царствует теперь (по большей части) бездарь и безнравственность, – книгу Марины Саввиных трудно переоценить. Она и таинственна, и величава. Горько, но знаю наперёд, что многие из молодых не поймут её в силу малообразованности, не в пример нам, получившим образование в СССР. Сегодня не знают ни Себастьяна, ни химер... А значит, и не разглядят чудный дар поэта. Не смогут понять всего того, что несёт эта книга, потому что и Библии, и Евангелия не читали. А ведь она, эта книга стихотворений, и призвана к окормлению и молодого, и даже зрелого читателя. И при чтении от читателя требуется – повторяю, едва ли не равная поэту, писателю – самоотдача.

*Каждому дню довольно своей заботы!
Очи отверз – а там уж трубят отбой.
Главное – узнать в этой жизни, кто ты,
Чтобы потом оставаться самим собой...
Так отлепись, душа, от костей кумира!
Не изменяй себе и не торгуй лицом!
Самое лёгкое – глиной в ладонях мира.
Самое трудное – в Божьей руке резцом.*

Так что, всё ли так безупречно, так величаво, неповторимо в книге «Небо полуночи»? Из того, в чём можно было бы упрекнуть Марину Саввиных, – это ажурность письма, богато, порой излишне выстроенный «ампир» её стихотворений. Они могли быть написаны в таком стиле и в восемнадцатом, и в девятнадцатом, и в двадцатом, и в двадцать первом веке. И всегда могли бы быть прочитаны «к месту» и вовремя.

«Постойте, – скажет дотошный читатель. – А когда написана эта книга, где же – о текущем моменте, где о нашей погоде и погódках? В книге этой – на десятилетия и годы задуманной и исполненной? Ничего о наших сегодняшних тревогах, печалях, о ковиде, о нищете и блеске сегодняшних куртизанок, о народе, который за чертой бедности... О том, что тайком ходим на работу, а раньше – тайком сбегали с неё». Хотелось бы ответить так: привязанность к сиюминутным событиям – ещё не верная примета таланта и крепкой поэзии. Секрет литературы сокрыт в «мелочах», которые выводят нас к обобщению. А именно так и исполнена книга. Кроме всего прочего – книга на подготовленного читателя. Ведь как на деле у нас происходит: примерно четверть читателей просят поэта, рассмешите меня, как Иртеньев или А. А. Иванов... Другая четверть или меньшая часть просит: дайте поразмышлять, «пищу для ума», дайте погрузиться. Будьте моим толмачом, и я полюблю вас, поэт. Напишите «Серёжку ольховую», или «Падают белые снега», как Евтушенко, Аронов (но таких меньше). Четверть скажет: дайте мне, дайте мне «пирожки»-стихи, депресняшки, подобные Вадиму Невадиму, или «гарики» Губермана, или однострочные «шедевры» «поэта» Вишневого. Четверть – просит лирику Фатьянова, Тряпкина... И только один процент избранных говорит автору с надеждой и убеждённо: напишите то, о чём скорбит ваша душа, то что вам как поэту наиболее свойственно и характерно. В этом игра и таинственность смыслов. Тайна, скрытая от обывателя. Востребованность, массовость – вовсе не показатель степени таланта, даже скорее наоборот.

Автор этих строк, смею надеяться, и даже – несомненно – принадлежит к одному проценту из названных. Поэтому и смеет просить автора продолжить эту книгу именно так, как видит её сам автор. И надеется на взаимопонимание.